

HARLEQUIN

125

Милли Адамс

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР
С ГЕРЦОГОМ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Милли Адамс
Брачный договор с герцогом
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 125

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69818785
Брачный договор с герцогом. Роман: Центрполиграф; Москва; 2023
ISBN 978-5-227-10251-5

Аннотация

В детстве Беатрис была болезненным ребенком, теперь она взрослая, но брат, герцог Кендальский, по-прежнему оберегает ее от дуновения ветра, балов и выездов в свет, под запретом и замужество – доктор считает, что деторождение убьет слабый организм. Беатрис уверена, что давно выздоровела, и решает, лучше умереть, чем до конца дней жить взаперти. Девушка подстраивает сцену, после которой родные вынуждены выдать ее замуж. Правда, в темноте она обняла не того мужчину, но, пожалуй, и к лучшему: герцог Бригамский – отличная партия. Вопрос только в том, будет ли этот брак счастливым...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	57
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Милли Адамс

Брачный договор

с герцогом

Роман

Millie Adams

Marriage Deal with the Devilish Duke

A Novel

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Marriage Deal with the Devilish Duke

Copyright © 2021 by Millie Adams

«Брачный договор с герцогом»

© «Центрполиграф», 2023

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2023

ISBN 978-5-227-10251-5

Глава 1

1818 год

Женщина способна влиять лишь на небольшую часть происходящего. Ее собственная жизнь зависит не столько от поветрий судьбы, сколько от капризов мужчин. Однако в какой-то момент леди Беатрис Эшфорд решила, что станет архитектором хотя бы своей гибели, если не правительницей жизни.

В принципе, это одно и то же.

Ее брат Хью Эшфорд, герцог Кендальский, может контролировать ее, пока она позволяет это своим поведением. Но терпению пришел конец, она не станет больше мириться с существующим положением.

Брат хотел для нее той жизни, что виделась скучной и серой, затягивающей в сети и обволакивающей все вокруг, как туман на полях поместья Байби-Хаус, которое ей не покинуть никогда против воли брата.

Ей никогда не увидеть балов светского сезона. Никогда не...

О замужестве не стоит и мечтать – решение принято братом против ее воли. Он консультировался с семейным док-

тором, наблюдавшим ее с детства, и тот вынес вердикт о здоровье, заявив, что деторождение ее попросту убьет. Этого брату было довольно, чтобы постановить, что она должна забыть о браке и остаться с ним, под его опекой и охраной.

Беатрис же мечтала о свободе.

Детство она провела взаперти, в стенах Байби-Хаус. Все, от дождя до свежего воздуха и солнечных лучей, считалось вредным для ее здоровья.

После кончины отца заботы о ее здоровье взял на себя Хью, а для него не существовало полумер.

Он упорно делал все для ее счастья. Привозил из Лондона сладости, стоило ей только пожелать, а также самые модные и дорогие наряды, ленты и прочие украшения для волос.

Беатрис придумала план, о котором никому не рассказала, даже своей подруге, Элеоноре.

Впрочем, одному человеку она все же открылась. Тому, кому предстояло помочь ей в реализации задуманного.

Джеймсу она доверяла. Дружба между ними завязалась четыре года назад, когда его семья приобрела усадьбу неподалеку от Байби-Хаус. Такие отношения стали неожиданностью для нее самой, ведь известно, что подобное недопустимо для молодой леди. Однако Беатрис с готовностью нарушила правила: дружба с Джеймсом, которую все сочли бы странной, позволяла ей развлекаться, как все дети. И выбраться за пределы четырех стен своей комнаты.

Кроме того, она все больше утверждалась в мысли, что

только это дает ей силы. А вовсе не бесконечные процедуры и кровопускания, предписываемые докторами, из-за которых приходилось проводить немало времени в постели в полумраке спальни. Тогда ей казалось, что она медленно увядает, как цветок, лишенный солнечного света, дождевой воды и питания земли.

И вот внезапно она обрела источник силы, который не могла бы раньше и представить. Потом она познакомилась с Пенни, которой суждено было однажды стать ее невесткой, если бы помолвку не расторгли. И с Джеймсом, ставшим ей добрым другом.

Их отношения явились поводом разговоров о браке. У Джеймса на этот счет было свое мнение. Откровенно говоря, он совсем не собирался жениться, а объяснял ей, что семья, дети – все эти хлопоты не для него.

Только брак мог дать Беатрис вожаделенную свободу. Тогда она смогла бы жить по-настоящему, а не оставаться затворницей, обузой для брата до конца дней.

К счастью, сегодня в доме давали бал и ей разрешено присутствовать. Впрочем, она, Беатрис, станет полноправной участницей бала. Ведь она не танцевала, у нее не было даже бальной карточки. Она никогда не появлялась в свете в качестве дебютантки.

С какой целью ей появляться на балу? Хью не желал, чтобы Беатрис выходила замуж, потому и не стремился выводить ее в свет. От мыслей об этом всегда становилось невы-

носимо грустно. И очень одиноко.

Став замужней дамой, она получила бы право посещать балы. Задуманное предприятие опасно, в случае неуспеха репутация Беатрис окажется под угрозой, неверное истолкование ее поступка повлечет за собой злые сплетни и значительно все осложнит. Ее и сейчас никто не замечает, лучше уж умереть, чем влачить и дальше жалкое существование.

– Ты прекрасно выглядишь, – произнесла Элеонора.

Подруга сидела на кушетке в углу, на ней было великолепное платье из серебристой ткани с россыпью сверкающих звезд. В этом светском сезоне Элеонора дебютировала, но не была представлена официально, так как отец ее не принадлежал к аристократическому роду. Беатрис не знала всех деталей, не понимала, как Хью связан с семьей Элеоноры, но именно брат был назначен ее опекуном и теперь нес за нее ответственность.

И за Беатрис ответственность нес тоже он, принимал решения относительно ее жизни, когда самостоятельные действия сестры считались бы недопустимым своеволием.

– Спасибо, – ответила Беатрис, оглядывая себя в зеркало.

Ей нравилось выбранное платье, но она не выглядела так привлекательно, как Элеонора. Подруге было позволено выглядеть, как подобает молодой женщине, а Беатрис... На ней тоже был бальный наряд, но не такого фасона, как у Элеоноры. Волосы убраны иначе. Впрочем, все это не имело большого значения, ведь у нее, Беатрис, свой путь. Ее брат гер-

цог, у него есть влияние. Он высоко ценил соблюдение правил приличий.

Год назад состоялась его помолвка с дочерью графа, которую он разорвал не колеблясь, когда пошли слухи о ее романе с шотландским офицером. Хью был скор на решения и хладнокровен. Брат – очень хороший человек, Беатрис точно это знала. Его отношение к ней было тому доказательством. Однако он совершенно нетерпим к людям, которые ведут себя неподобающе. Иначе и быть не могло, ведь он видел, как отец обращался с их матерью, насмехался над ней, унижал, чем вызвал презрение Хью.

Все вышеупомянутое делало план Беатрис, к реализации которого она намеревалась приступить сегодня, еще более опасным. После того как Хью узнает, что она вышла замуж за Джеймса, он будет... очень в ней разочарован. И никогда ее не поймет. Он был главой дома, семьи, правильным для него было то, что он сам считал таковым. Брат был полон высокомерия до кончиков пальцев.

Он герцог, никто не имел права задавать ему вопросы о мотивах поступков. Исключением был лишь лучший друг – герцог Бригамский, которого называли Бриггс.

Два друга были настолько разными, насколько возможно для двух мужчин. При одинаковом титуле и положении их поведение, взгляды на жизнь значительно отличались.

Ничего, брат поймет, когда она все ему объяснит. Если позволит ей говорить, а не пожелает уничтожить. Она почти

уверена, что на это он не пойдет, ведь именно он подталкивал ее к такому шагу своими поступками.

– Ты такая задумчивая, – произнесла Элеонора.

– Да, пожалуй. Надеюсь, сегодняшний вечер пройдет... складно. – Ей с трудом удалось подобрать слово.

Складно. Как нелепо говорить так, когда речь идет о всей дальнейшей жизни.

Элеонора улыбнулась в ответ, но немного грустно.

– Уверена, так и будет. Твой брат намерен найти мне мужа.

– Судя по всему, тебя это не радует.

Подруга улыбнулась лишь одними губами.

– То, что меня бы порадовало, невозможно, Беатрис.

Сердце Беатрис сжалось от сочувствия подруге. Ей кое-что было известно об Элеоноре, о ее безнадежной любви к Хью. Это выяснилось в прошлом году, когда брат обручился с Пенни.

Разумеется, Элеонора мило общалась с Пенни, ничем себя не выдав. Лишь по глазам можно было понять, какая тяжесть у нее на душе.

Беатрис считала неуместным говорить об этом и никогда так не поступала. Какими бы искренними ни были чувства Элеоноры, мечтам ее не суждено было воплотиться в жизнь. Узнав об этом, Хью, скорее всего, ответил бы... ну, он разделит бы их. Значение имело многое: происхождение, титул... У него в голове уже сложился образ женщины, которую он

хотел бы видеть своей герцогиней. Беатрис знала это точно. И еще знала, что Элеонора со своими чувствами не подходит по многим критериям. Если она и строила планы, им не суждено сбыться. Брат не принимал в расчет чужие чувства, только свои собственные взгляды и принципы о том, как следует поступить.

Позже Пенни объяснила Беатрис, что произошло на самом деле. У нее не было романа с шотландским офицером, ему ее продал отец в счет карточного долга. Разумеется, Беатрис ей не поверила. В любом случае правда не важна, брат принял решение, и свадьбы не будет. Ни ей, ни кому другому не заставить его передумать. В результате Пенни согласилась выйти замуж за шотландца и уехала с ним в нагорье. Правда не имела значения. Особенно для Хью, чье мнение о Пенни изменилось навсегда.

Если кто-то утрачивал уважение в его глазах, вернуть его было невозможно.

Нечто подобное сегодня может случиться и с ней.

Да, вполне возможно. Но у нее всего два варианта на выбор: или смириться с тем, какой брат видит ее жизнь, или сделать попытку изменить ее так, как хотелось бы ей самой.

И Беатрис решила действовать, как бы опасно это ни было. Она знала, что для женщины невероятно ценна репутация, испортить ее намного легче, чем сохранить безупречной.

– Пойдем вниз?

– Да, – кивнула Беатрис. – Пойдем.

Как раз настало время прибытия гостей. Необходимо спрятаться от всех в дальнем углу и дожидаться появления Джеймса. И потом реализовать план быстро и наилучшим для себя образом. Прежде всего, определить место, где их должны увидеть. И то, чем они будут заниматься.

Беатрис не могла быть уверена, что этот вечер сложится именно так, как задумано, а не иначе. Необходимо действовать быстро и слаженно. Все должно выглядеть именно так, как ей надо.

Пока они с Элеонорой спускались по лестнице, Беатрис удалось успокоиться и взять себя в руки. Шаги их были бесшумны благодаря роскошной ковровой дорожке, покрывающей ступени. Идеально отполированный итальянский мрамор пола блестел в свете роскошной люстры под потолком. Яркий свет позволял разглядеть замысловатую лепнину. Однако даже этот блеск с легкостью затмевала роскошь бального зала. Мрамор там был отделан золотом на стыках, роспись стен и потолка представляла сцены битв ангелов и демонов.

Девушки прошли через двери, и Беатрис сразу направилась к чаше с пуншем. К ее радости, закуски и напитки уже были представлены немногочисленной публике, появление которой тоже было очень кстати. Брат прибудет вовремя и ни минутой позже или раньше. Модные тенденции ему безразличны. Главное для него – оставаться человеком слова.

В момент объявления начала бала Беатрис старалась дер-

жаться на заднем плане, следуя собственным правилам приличий. Она была гостьей, но не совсем обычной. Откровенно говоря, она была шокирована тем, что Хью позволил ей находиться здесь, ведь мог с легкостью запретить выходить из комнаты. Удивительно, что он нарушил собственное правило. По его меркам, решение шло вразрез с традициями. Джеймса не было видно, но Беатрис знала, что он непременно появится.

Вошел брат и приветствовал гостей. Затем прошел через зал к дальней от входа стене и остановился напротив сестры.

– Каковы впечатления от вечера? – спросил Хью.

– Все замечательно. Как всегда.

Она сжала руки, чтобы они не тряслись от волнения. Тогда брат стал бы непременно расспрашивать, как поступал всякий раз, когда видел, что она нервничает. Он весьма проныцателен. И это не всегда казалось достоинством.

Взгляд его скользнул в сторону.

– Где Элеонора?

– Ты можешь быть удивлен, но она приглашена на танец.

– Действительно?

– Да.

Взгляд его стал острым, следовательно, внимание переключилось на нечто иное. Порой Беатрис задавалась вопросом: был ли брат настолько в себе уверен, что даже мысли не допускал, что ему кто-то может противостоять, или он просто не считал Элеонору женщиной? И не предполагал,

что другие могут видеть ее таковой. Не считал необходимым охранять ее от поклонников из-за того, что у нее их не может быть.

А Беатрис для него была и будет болезненным ребенком.

От этой мысли в самой глубине сердца шевельнулась грусть. От нее становилось трудно дышать, такое случалось и раньше...

Грудь сдавило до боли. Именно эти чувства заставили Беатрис прибегнуть к плану, разработанному в те долго тянувшиеся дни, когда она лежала в постели больной. Беатрис решила, что тело может отказываться дышать должным образом из-за сковывающего его страха. Если расслабиться хоть на мгновение, непременно удастся понять, что происходит на самом деле. Она выдохнула, опустила плечи и сделала глубокий вдох. А потом вонзила ногти в ладонь – легкая боль успокаивала. Боль вообще вещь интересная, по крайней мере, так считала Беатрис. Некоторые старались ее избегать, не понимая, что она может стать подсказкой, предупреждением: надо свернуть с пути, иначе будет плохо. Однако не в ее случае. Боль необходима для спасения ее жизни, она – часть лечения, применяемого лекарями. Потому пришлось выработать к ней свое отношение.

Боль присутствовала в множестве ситуаций и шагов, сделанных за минувшие годы. Хороших и плохих. В детстве ей часто делали кровопускание, это было мучительно больно, впрочем, как и все методы лечения, которым ее подвергали.

Позже, когда здоровье значительно улучшилось, Беатрис использовала любую возможность улизнуть из дома и побродить в лесу. Так она познакомилась с Пенни. Девушка заблудилась на огромной территории поместья и не могла найти дорогу домой.

Беатрис старалась, чтобы никому не стало известно о ее вылазке из дома, потому что не любила выдавать свои тайны. Обретенную на время свободу и умение переносить боль она ценила больше всего, особенно когда получала возможность исследовать мир за окном. Ей пришлось вытерпеть и ссадины, и укусы пчелы. А еще падение с дерева. Это было то прошлое, о котором брату ни в коем случае не должно стать известно. Но именно оно ассоциировалось со свободой.

А иногда... Нечто похожее причиняло боль. Она ни с кем об этом не говорила, смысла в этом никакого, даже для нее самой. Однако, когда выдержка подводила, боль в ладони помогала ее восстановить. Своего рода процесс заземления.

Вера в свою силу.

Вера в то, что она могла выдержать гораздо больше, чем можно было ожидать. Именно эта уверенность придавала сейчас сил.

Ощувив внезапное покалывание в затылке, Беатрис повернулась ровно в тот момент, когда в залу входил Бриггс.

Герцог Бригамский.

С его появлением все вокруг пришло в движение. Бриггс всегда и везде привлекал внимание. Иначе и быть не могло.

Он выглядел невероятно привлекательно в черном фраке, черном жилете и белом галстуке. Кроме того, на нем были бриджи из оленьей кожи и черные туфли. В комнате оказалось немало мужчин, одетых подобным образом, и он не должен был привлекать особое внимание. Неизвестно, дело в качестве наряда или образе человека в целом, но все взоры обратились к нему.

Бриггс заметно выделялся на общем фоне. Был для Беатрис самым красивым мужчиной из всех, кого ей доводилось видеть. В этом зале определенно не появлялся никто красивее. Подтверждала ее мысль и реакция гостей. Его волосы были ровно той длины, что позволяла им лежать волнами, голубые глаза искрились, взгляд пронзал насквозь. Но дело, разумеется, не только в привлекательности лица. Нельзя не заметить осанку и стать герцога: он нес себя гордо, уверенно. Герцог Бригамский был совсем не похож на ее брата, правила не стали для него главным в жизни. Впрочем, были у них и общие черты – например, оба все держали под своим контролем.

Лондон был покорен им, что уж говорить о матерях дочерей на выданье. Если и был у него недостаток, так это наследник мужского пола. Брак герцога оказался непродолжительным и завершился много лет назад, так много, что он давно обрел статус холостяка. Как и репутацию повесы.

Беатрис точно знала, что человек он добрый, к тому же ей всегда было с ним легко в общении. Легко считать его дру-

гом. Впрочем, это не было обоюдным, она понимала, что он относится к ней, скорее, как к ребенку, хотя сама она не могла отказаться от глубокого чувства привязанности, несмотря на понимание, как это бессмысленно и неразумно.

В некоторые моменты ей казалось, что каждое сказанное им слово подобно вспыхнувшей звезде, а каждый выдох наполняет комнату солнечным светом. Нельзя сказать, что она была влюблена в него так, как Элеонора в Хью, нет, ее чувства были иными. Беатрис не считала его равным, он был неизмеримо выше, недостижим для нее. В то же время представить, что его нет в ее жизни, было невозможно. Он стал для нее и солнцем, и звездами. Возможно ли существование без этих светил, без их света и тепла? Без возможности видеть их на небосклоне?

Герцог не увидел ее или не узнал, но направился к группе дам в другой части зала. Его внимание привлекли совсем не дебютантки, а вдовы.

Мужчины его типа предпочитают вдов. С ними ведь не нужно соблюдать границы во всем, как с незамужними леди. Беатрис не считала нужным делать вид, что до конца понимает суть подобных отношений. Наблюдая за Бриггсом, она ощутила, как кольнуло сердце. В какой-то момент он обернулся, взгляды их встретились, несмотря на расстояние, и он весело ей подмигнул.

На этот раз сердце подпрыгнуло, и она поспешила отвернуться, чтобы не давать ему повода смотреть на нее излиш-

не долго. Вдруг это позволит ему догадаться о задуманном, а сейчас это совершенно не нужно. Бриггс не должен разрушить ее планы.

Ах, как он великолепен. Светлые волосы, лежащие волнами, и голубые глаза делали его ангельски красивым. Однако она не ощущала, что ее притягивает к нему, словно магнитом, не было желания смотреть на него неотрывно. Рядом с ним было просто комфортно. Как бывает с подругой.

Это дружеское отношение, и ничего более. Были у нее и другие, способные ее погубить, если о них станет известно в свете. Они с Джеймсом и раньше оставались наедине, теперь лишь нужно, чтобы об этом все узнали. Брат никогда не даст благословения, потому надо его заставить. Скандала он не допустит, их он ненавидит больше всего прочего. И это означает... Что надо им пригрозить. Для брата это станет неожиданностью, ведь он уверен, что на подобное сестра не способна.

К ней подошел Джеймс с двумя бокалами пунша.

– Выпьешь? – Он протянул ей один.

Беатрис оценила заботу. Джеймс всегда был таким добрым.

– Спасибо.

– Уже продумала план действий этим вечером?

– Необходимо решить, где нас должны застать и кто. Лучше всего, если это будет сам Хью.

– Ясно. Может, нам просто отправиться в спальню и

ждать?

Отчего-то от этих слов ее замутило.

– В спальню? Не думаю, что этот вариант подходит.

На лице Джеймса появилось... сожаление.

– Возможно, ты права.

– Репутация леди может быть испорчена, если она выберет не ту дорожку в саду. – Беатрис многозначительно посмотрела на друга. – Мне уж давно бы пришел конец, если бы кто-то узнал, что я одна, без компаньонки сидела у тебя в гостиной и пила чай.

– Я лишь полагал, что разработанный тобой план предполагает действия гораздо более серьезные, чем просто визит или совместное чаепитие. Очевидно, что твой брат должен стать свидетелем чего-то весьма компрометирующего. – Джеймс смущенно опустил глаза. – Я знаю герцога, поэтому наш поступок должен вызвать в нем желание отдать тебя мне в жены, а не вызывать меня на дуэль.

Беатрис смотрела на него, ощущая возрастающую растерянность. Она не понимала, на что Джеймс намекает.

Она была совершенно не посвящена во многие стороны жизни. Картинки из книг, которые нашлись в библиотеке, с обнаженными нимфами, убегающими от преследующих их мужчин, всегда вызывали неловкость. По непонятной причине сейчас эти картинки встали перед глазами... Она и раньше подспудно ощущала, что все, связанное с подобными образами, ведет к краху репутации. Однако воедино все

связать не могла.

– Я хотела... хотела бы... Джеймс очень тепло улыбнулся.

– Я ни к чему не намерен тебя принуждать, Беатрис. Знай, если ты решишь отказаться от плана, я готов в любую минуту.

– Я могу сказать то же тебе. Но считаю, ты тоже вправе... жить, как пожелаешь, Джеймс. Я беспокоюсь за тебя и хочу помочь, если могу.

Возможно, ей никогда не понять, почему он отказался от настоящего брака. Вероятно, они оба преследуют схожие цели. Но у них есть дружба, а скоро появится и свобода, которую дает брак.

Беатрис сочувствовала Джеймсу. Он был сыном своего отца, но вторым по старшинству, у него не было и никогда не будет той власти, которой обладал его старший брат благодаря положению в обществе. Джеймс испытывал сильное давление семьи, приносящее ему страдания. Не испытывая того же самого, Беатрис легко могла понять, что значит вести ту жизнь, какой не желаешь.

– Я знаю, что надо делать, – произнесла она. – Будет лучше, если свидетелей окажется более чем достаточно, но со стороны должно казаться, что мы ищем уединения. Я знаю, куда нам идти. Там нас найдет не только брат, но и его многочисленные приятели.

Среди них будет и Бриггс. Мысль обожгла ее изнутри. Следом вспыхнул стыд. Беатрис на мгновение стало неверо-

ятно стыдно.

— Часто в какой-то момент во время бала, такой как сейчас, например, брат любит ненадолго отправиться в библиотеку с несколькими приятелями, пообщаться в узком кругу, так сказать, — продолжала она. — Если нам тоже там оказаться... и...

— И страстно обнять друг друга, — закончил Джеймс. — Этого, надеюсь, будет достаточно.

Беатрис стало немного легче. Объятия, как ей казалось, не способны разрушить репутацию леди. Но для света факт будет вопиющий.

— Да, я тоже надеюсь.

— Тогда встретимся там.

— Да. И постарайся пока не вызвать подозрений.

А она будет ждать. Ждать момента, когда брат выйдет из бальной залы. Им необходимо оказаться на месте раньше его. Джеймс уже исчез из вида.

Беатрис выскользнула из залы, стараясь, чтобы это осталось для всех незамеченным, и на цыпочках поднялась по лестнице в библиотеку.

Помещение освещал только огонь в камине. Она надеялась, что слуги не придут раньше брата, чтобы зажечь свечи. Их появление может подтолкнуть ее на путь благоразумия, а она не хотела быть благоразумной. Беатрис хотела, чтобы пострадала ее репутация.

В углу что-то зашевелилось. Внутри все сжалось от нерв-

ного напряжения, хотя одновременно появился невероятный прилив энергии. И тут послышались шаги. Почти сразу. Прежде чем подумать, прежде чем дать себе шанс не совершать никаких действий, остаться на месте, она бросилась вперед и обняла стоявшего в углу человека.

Удивительно, но он был выше ростом, чем должен, и как-то плотнее...

Человек... мужчина... повернулся к ней, и Беатрис едва не лишилась чувств, когда он провел рукой по ее спине и прижал к себе, обхватив ягодицы. Она невольно отметила, что ладонь эта больше, чем у Джеймса. Ужас пронзил ее, когда распахнулась дверь, в комнату ворвался поток света и раздался голос:

– Черт возьми, что здесь происходит?

Беатрис смотрела на дверной проем и понимала, что репутация ее действительно под угрозой. Перед ней был не один брат и даже не брат с несколькими приятелями, это была экскурсия по дому для всех желающих. Среди которых были, разумеется, самые язвительные светские острословы.

Затаив дыхание, она подняла голову, чтобы посмотреть на мужчину, державшего ее в объятиях, и увидела знакомые голубые глаза. Очень хорошо знакомые. Свет звезд. Тепло солнца.

Перед ней был Бриггс.

Его рука по-прежнему сжимала ее ягодицы, от тепла его тела внезапно стало жарко, будто в аду, сила его хватки стала

откровением.

Беатрис не могла вздохнуть.

Ни одному мужчине не дано право повергнуть ее в такое состояние. Однако это случилось...

Беатрис сама набросилась на Бриггса, а брат вошел как раз вовремя и увидел их.

– Я требую объяснений. В противном случае будьте готовы принять вызов, герцог.

Она видела, как в глазах брата сверкнуло уничтожающее все вокруг пламя. Он совсем не шутил.

– Тут не происходило ничего предосудительного, – начал Бриггс, медленно отпуская Беатрис, но придерживая, чтобы она не упала.

– И тем не менее мы стали свидетелями весьма пикантной сцены, сэр.

– Это моя вина. Это я...

– Все ясно. Ясно, как следует поступить.

Беатрис подняла глаза на Бриггса, теперь смотревшего на Хью с яростью.

– Кончено, сэр.

– Что выбираете? Пистолеты на рассвете?

– Нет, – твердо ответил Бриггс. – Я выбираю брак.

Глава 2

Филип Байрон, герцог Бригамский, был человеком, с которым лучше не шутить. А еще тем, кого непросто одолеть, который не отступает перед брошенным ему вызовом. Но сейчас он чувствовал себя проигравшим девушке, едва вышедшей из детского возраста. Будь дуэль оправдана, он никогда бы не спасовал. Но сейчас перед ним тот, кого он считал единственным другом, именно он смотрит на него с ненавистью. Бриггс понимал его, ведь речь идет о чести его сестры. Кендал готов убить его и доведет дело до конца. Он не был ангелом, как и затворником, любил развлекаться и получал все, когда желал. Они часто вместе посещали клубы, игровые заведения и бордели. Но Кендал не позволял себе переходить черту, семью он держал подальше от всего, связанного с плотскими удовольствиями. Он никогда бы не стал растлителем юных леди, впрочем, как и Бриггс. Ему и в голову бы не пришло прикоснуться к сестре друга. Это ведь она набросилась на него. Однако сейчас не место и не время говорить об этом.

Он посмотрел на Кендала и произнес:

– Вашей сестре лучше отдохнуть в своей комнате, сэр, а нам – поговорить наедине.

– Нет, – уверенно заявила Беатрис, отходя еще на шаг от Бриггса. – Мне не нужно отдыхать. Я хочу поговорить с ва-

ми, с Хью, мы должны...

– Не желаю слушать, – отрезал Кендал. – И вас, сэр, – сказал он Бриггсу. – Не желаю, пока не смогу... – Он повернулся к присутствующим гостям: – Прошу меня простить, я вынужден прервать экскурсию. Продолжайте отдыхать и веселиться, я буду благодарен вам, если воздержитесь от обсуждения того, чему стали здесь свидетелями, и дадите возможность нам во всем разобраться.

После слов Кендала гости спешно разошлись, ведь он был герцогом. Но Бриггс знал, что все сразу начнут сплетничать, это неизбежно. Ущерб репутации нанесен, и не важно, как все было на самом деле.

– Хью... – обратилась к брату Беатрис.

– Ступай, – сказал Кендал. – Ступай в свою комнату, поговорим позже.

– Я бы хотела поговорить сейчас.

– Сейчас я не стану тебя слушать.

– Но, прошу, я...

Кендал поднял руку, видя, что сестра готова стоять на своем. Она могла быть очень упрямой. Сейчас определенно желала что-то сказать прежде, чем он примет решение, но могла, поразмыслив, прийти к выводу, что лучше дожждаться, когда настроение его улучшится. Беатрис готова была послушаться приказов Кендала, что, по мнению Бриггса, было не совсем разумным поведением.

Беатрис, вздохнув, вышла из комнаты, и Кендал закрыл

дверь.

– Жду ваших объяснений.

– Я просто там стоял. Не представляю, за кого приняла меня ваша сестра, но, клянусь, я никогда, никогда бы...

– Допустим, – сказал Кендал. – Мне хорошо известно, как вы ведете себя с дамами, мне бы не хотелось, чтобы моя сестра входила в их число.

– Можете быть спокойны, ваша светлость. Мои аппетиты не распространяются на вашу сестру.

Признание немного разрядило накалившуюся атмосферу.

– У вас есть наследник. – Кендал пристально посмотрел на Бриггса, отчего тому стало не по себе, как всякий раз при упоминании о сыне.

Все верно. Он выполнил самое главное в жизни – произвел на свет наследника. Род будет продолжаться. И не важно, что он никогда не считал себя созданным для брака, не представлял, что делать с ребенком, особенно учитывая непростую жизненную ситуацию. Разумеется, сын получал лучший уход и образование. Что еще можно требовать от отца?

– Вы должны жениться на моей сестре, – заявил Кендал.

– А вы должны поверить, что между нами ничего не было.

Для Бриггса существовало не так много людей, которых он готов назвать друзьями. Он был отправлен в школу лишь в возрасте четырнадцати лет. Отцу было стыдно за сына, за его поведение, он намеревался полностью подчинить его своей воле, чтобы каждое действие было понятно и санкци-

онировано. Мать отослала его в школу сразу после смерти отца.

– Ты унаследовал титул герцога, – сказала она тихим голосом, потому что привыкла быть тихой и незаметной рядом с отцом. – Теперь ты не просто Филип.

С той поры он ни разу не был Филипом. Всегда только герцогом Бригамским. Он изменил себя, стал новым человеком. Бриггсом.

По иронии судьбы, именно этого добивался отец, для этого мерзавцу надо было всего-то отправиться в мир иной.

Пребывание его в школе не было простым, все наладилось далеко не сразу. Что же касается друзей...

Откровенно говоря, у него был всего один друг.

Это Хью.

Хью перевел дыхание и отвернулся, будто для того, чтобы собраться с мыслями. Или же просто подавить желание врезать Бриггсу. Будь перед ним другой человек, он непременно бы ударил его, только крепость и длительность отношений заставила сдержаться.

Хью был первым человеком, с которым он подружился, и следует признать, до сей поры единственным.

Впрочем, правила, установленные обществом, не требовали, чтобы Хью руководствовался принципами дружбы.

И совсем не важно, что Хью, как и он, получил титул, когда был гораздо моложе, чем следовало. Они оба пережили темные времена становления, когда превращались из юно-

шей в мужчин, более того, в герцогов. Этот путь они прошли вместе. Бриггс осознавал, что выжил и выстоял только благодаря поддержке.

Именно это удержало его от желания бросить вызов Хью в ответ, что было бы защитой собственной чести, учитывая обстоятельства.

Он совсем не виноват, что Беатрис набросилась на него и прижалась всем телом. Надо сказать, формы ее были гораздо более выразительные, чем он полагал.

– Хорошо. Лишь потому, что я знаю вас как человека чести. И вы не опустили бы до отрицания вины, если бы согрешили.

– Раз вы поверили, что я никогда не рискну скомпрометировать вашу сестру, поверите и в то, что девственницы меня не интересуют. Как вы помните, у меня уже была супруга-леди, которая терпеть меня не могла. – Он никогда не говорил о Серене. Упоминание о ней сейчас много значило.

– Случившееся с Сереной вовсе не...

– Мне не нужны ваши доводы, Кендал, особенно когда я стою перед выбором: жениться на вашей сестре или принять пулю в лоб. Не кажется вам это слишком жестоким?

– Вы мой друг, несмотря на то что сейчас мне хочется вас прикончить. Главное в жизни – честь, – произнес Кендал.

– Разумеется. Вы знаете, я разделяю ваши взгляды. И понимаю, почему у вас появились такие принципы, видимо, еще тогда, когда был жив ваш отец. Но знайте, для вашей

сестры не станет благом...

– Ее замужество будет лишь формальностью, – перебил его Кендал. – В обществе об этом никогда не должно стать известно. Вы всегда хорошо к ней относились, так помогите ей, как всегда хотели.

– Вам не кажется, сестра могла бы многое объяснить в этом случае? Она готова к браку лишь на бумаге?

Альтернативу в этой ситуации Бриггс не рассматривал. Его отец скончался, когда он был почти ребенком, потому принял решение спешно жениться, чтобы произвести на свет наследника. Он обвенчался с Сереной в двадцать один год и в двадцать три потерял супругу. Он был без ума от нее, был уверен, что их связывает если не любовь, то хотя бы дружба.

Как он был наивен!

Ее взбалмошный характер он принимал за бурный темперамент. Частую смену настроений приписывал страстной натуре. Периоды активности и апатии сменялись, и он вскоре мог уже предугадать, что последует. Вскоре интервалы стали длиннее, высшая степень тревоги сменялась депрессией, длящейся месяцами. Потом все разрушилось. Серена перестала с ним разговаривать, и тогда он начал медленно осознавать, что был слишком романтичен для существующего положения дел. Он верил, что эта женщина станет тем человеком, с которым он может быть самим собой.

С Беатрис он познакомился, когда та была еще девочкой, и сразу почувствовал к ней симпатию. Она жила почти узн-

ком в своей комнате. Бриггс редко ощущал подобное притяжение к людям, впрочем, он и не стремился к общению. Он герцог, люди сами пытались установить с ним контакт.

Но эта девочка...

У него возникло желание рассмешить ее, найти повод для улыбки в мире, который, похоже, отчаянно стремился не давать его.

Если Бриггс и понял что-то важное в жизни, так это то, как тяжело смириться с той жизнью, которую не выбирал и которая совсем не подходит его характеру. Потому Бриггс всегда заходил проведать Беатрис, когда наносил визит другу, привозил ей сладости из Лондона. Увидев протест в ее глазах, ощутил родство душ. Ведь судьбы их были во многом схожи, он тоже жил не так, как желал, не в той семье, какой бы хотел. Возможно, даже больше – он никогда не выбрал бы добровольно роль наследника титула.

О Беатрис он мог бы сказать, что душа ее оказалась не в том теле. Оно было не в состоянии соответствовать бунтарскому духу. Он всегда старался ей потворствовать. И теперь это пошло во вред ему же самому. Он никогда бы не решился обречь девушку на брак с ним. В длинном перечне жизненных ошибок было и то, чего он ожидал от женщин. Он был молод и глуп, потому полагал, что супруга, которая, разумеется, была девственницей в их брачную ночь, со временем изучит его предпочтения и разделит их. Как же надежды были далеки от реальности!

За годы, прошедшие со смерти жены, в его постели побывало немало женщин. И они не были леди. А леди и замужество... все это лучше оставить навсегда в прошлом.

– Вы сможете вести привычный образ жизни, – продолжал Кендал, словно жениться – пустяк, о котором не стоит много думать. – Наследник у вас уже есть. Возможно, Беатрис родит, если пожелает, ребенка, с которым будет заниматься. Она... видите ли, очень этого хочет. Я знаю, поскольку доктор сказал, что беременность для нее нежелательна.

– Она не может иметь детей? – Бриггс был удивлен, он ничего не знал об этом.

– Ей не стоит рожать. Я в этом глубоко убежден. Она способна стать матерью, однако вам известно, каким слабым было ее здоровье в детстве. По мнению врачей, роды станут ненужным риском. Именно по этой причине она не дебютирует в сезоне.

– Вы ей так все объяснили? – спросил Бриггс.

– Да.

– Что конкретно вы ей сказали, Кендал?

– Что ей не стоит выходить замуж. Что она не выйдет замуж, а заботиться о ней буду я. Что, разумеется, выполню, ведь моя обязанность – обеспечить ей надлежащий уровень жизни.

Совершенно очевидно, что друг понятия не имел, что совершил, и он совсем не знал родную сестру. Беатрис была милой и тихой, это верно, однако вовсе не такой послушной,

как могло показаться. За многие годы он не раз оставался на несколько дней в Байби-Хаус и знал, что Беатрис часто и по долгу не бывает дома и она находится совсем не там, где полагал Кендал. Он видел, как она выходила к обеду, запыхавшаяся, с красными от долгого пребывания на холоде щеками и запутавшимися в волосах листиками. Самым большим заблуждением друга была уверенность, что все так же относятся к его положению, как и он сам, считают его авторитет непререкаемым. Каждое его слово ловила лишь его подопечная Элеонора, сестра же, напротив...

– Понятно, – кивнул Бриггс. – Вы пытаетесь разрешить ситуацию, в которой мы оказались из-за вас, переложив с себя вину.

– Каким это образом я к этому причастен? – Кендал был явно возмущен.

– Вы сделали сестру пленницей до конца жизни. Она обречена жить здесь, в Байби-Хаус, в провинции, вдали от светского общества, друзей, свободы. Не понимаю, почему она выбрала меня как способ сбежать, но она все же нашла выход, верно?

– Что вы хотите сказать, Бриггс?

– Вы отослали юную леди, поэтому мы не сможем задать вопрос ей, но разве вы не видите, что она принялась действовать самостоятельно? Репутация ее разрушена навсегда. Если я не женюсь на ней, прослышу бесчестным человеком. Если же вы не бросите мне в этом случае перчатку, пострадает

ваша честь. Для Беатрис единственный способ появиться в свете – выйти замуж, верно? Вы ведь едва ли будете позволять ей выезды. Так что из нас троих она единственная меньше всего пострадает.

– Так вы думаете?..

– Поверьте, я никогда бы не посмел покуситься на вашу сестру. Кроме того, как удачно сложилось, что она оказалась в моих объятиях именно в этом помещении, которым, как ей хорошо известно, вы пользуетесь для общения с гостями.

Бриггс видел, как глаза Кендала становятся огромными.

– Понимаю, вас это шокирует. Не все, друг мой, согласны, что вы всегда поступаете правильно. И Беатрис определенно из их числа.

– Беатрис, – повторил Кендал.

На этот раз голос его прозвучал обреченно. Затем он развернулся на каблуках и выбежал из комнаты, а Бриггс помчался следом, потому что... А почему бы и нет? Он уже не лучшим образом повлиял на репутацию юной леди, так что вполне может находиться рядом с Кендалом в ее комнате.

Они миновали лабиринты коридоров огромного особняка под звуки шагов друг друга по мраморному полу. Наконец Хью остановился и толкнул дверь перед собой. Служанка, стоявшая на коленях у камина, мгновенно исчезла.

Беатрис лежала на кушетке и выглядела убитой горем, отчего у Бриггса неожиданно сдавило грудь. Он познакомился с девушкой, когда ей было около четырнадцати, и не знал о

худшем периоде течения ее болезни. Сейчас он невольно задался вопросом, выглядела ли она так же в то время. Бледная, измученная, без намека на ту искру жизни, всегда присутствовавшую в ее глазах.

Она села, и стало видно, как опухло от слез ее лицо, глаза покраснели. Она выглядела такой растерянной, что это могло развеселить, если бы не... ситуация в целом.

– Бриггс, – обратилась к нему Беатрис, – вы должны знать, что я не желала ничего подобного...

– Разве ты не хотела заманить Бриггса в ловушку? – спросил Кендал. – Тогда с кем же, дорогая сестра, мы должны были застать тебя сегодня вечером?

– Хью...

– Не пытайся меня одурачить, Беат, я знаю, каков был твой план. Признаю, Бриггс открыл мне глаза, но сейчас не время разбираться в этом. Признавайся, с кем тебя должны были застать и выдать потом замуж?

– Если бы на месте Бриггса был Джеймс, вам бы и в голову не пришло, что все подстроено.

– Значит, Джеймс, – скривился Кендал. – Джеймс. Тот твой друг из соседнего поместья?

Беатрис промолчала, но вскинула голову, явно желая выглядеть уверенно.

– Его отец торговец, – продолжал Кендал.

– Его отец граф. Такой же титул у отца Пенни, на которой ты собирался жениться.

Кендал замер при упоминании имени бывшей невесты.

— Это сейчас не имеет значения, — сказал он после паузы. —

То, что подходит мне, не подходит тебе.

Беатрис положила ноги на кушетку. Движение было неожиданным и совсем не свойственным леди.

— Ты же не собираешься дать разрешение на брак, какое тебе дело до титула моего избранника.

— Мне кажется, наш разговор зашел не в то русло, — подал голос Бриггс. — Дело не в том, даст ли ваш брат разрешение, вы в любом случае не смогли бы выйти замуж за этого... мальчика.

— Простите. — Беатрис перевела на него взгляд. — Я не знала, что там будете... вы.

— Это опасный поступок. — Кендал вскинул бровь. — И неразумный. Ты играешь с теми вещами, в которых ничего не понимаешь. То, что ты сделала... Ты, не подумав, испортила себе жизнь. Тебе придется выйти за Бриггса, но это вовсе не означает, что общество будет благосклонно к тебе. Тебя застали в его объятиях, тому немало свидетелей. К несчастью для тебя, среди них были самые отъявленные сплетники. С того места, где стоял я, ваши объятия выглядели... крайне непристойно.

Бриггс фыркнул. Разворачивающаяся сцена теперь казалась ему слишком театральной.

— Осмелюсь отметить, Кендал, что непристойным это могло показаться только тебе. Возможно, из-за роли ханжи, ко-

торуешь ты играешь в присутствии сестры. Но мы оба знаем, что даже днем можно увидеть и более пикантные вещи, не говоря уже о темной и пустой библиотеке.

Все же ему стоит признаться хотя бы себе самому, что ее формы вызвали в нем весьма непристойные мысли.

– Но не с леди, – отчеканил Кендал.

– Беатрис отлично подходит на роль моей герцогини, – заявил Бриггс. – И я не потерплю плохого слова о ней, будь оно сказано в этом доме или любом другом месте.

Он сам не понимал, откуда это желание ее защищать. Явно не по причине происходящего в данный момент. Возможно, из-за восхищения ее смелостью и предпринятым шагом.

Ах, как это неразумно. Смешно. Необычно для такой семьи. Бросить вызов собственному брату. Интересно, что подтолкнуло ее? Любовь к... Джеймсу?

Он взгляделся в ее лицо, на котором нельзя было не заметить душевные страдания.

Нет, пожалуй, она не влюблена. Не похоже, что сердце ее разбито, скорее, она в ярости. Ее поступок имел цель противостоять Кендалу, и за это она достойна уважения.

Жизненный путь Беатрис был предопределен с младенчества. Ей предстояло выйти замуж и родить наследника, а все изменения в судьбе были произведены по воле брата. Его авторитет непререкаем, а ее мнение в расчет не берется. Ее возможности весьма ограничены, если рассматривать допустимые методы противостояния. Вся собственность принад-

лежала брату, она же не могла ничем владеть. Лишь появление в жизни мужа что-то изменило, но Кендал сделал все, чтобы этого не случилось. Потому она решилась на единственный возможный для нее шаг. И заставила его принять участие в этом спектакле.

По правде говоря, действия друга злили больше. Поступок его сестры был понятен, она лишь хотела жить по-своему, сама принимать решения. При этом окружающие этого словно не понимали. Или понимали превратно, как в ситуации с ними обоими.

– Вашей герцогини? Но я не хочу быть герцогиней, я хочу быть женой Джеймса. Хочу стать свободной, вырваться из этих стен, а не оставаться здесь до конца дней. Самой решать, какой станет моя жизнь. Такого существования я больше не вынесу. Ты лишил меня будущего, Хью, когда сказал, что не выдашь меня замуж, лишил возможности появиться в свете, дебютировать в этом сезоне. У меня... не осталось выбора. Я говорила тебе, что не смогу так жить, но ты не слушал.

– Я спасаю вашу честь и доброе имя, – произнес Бриггс, понимая, что разрешить ситуацию будет совсем непросто. Не все можно сразу принять и осознать. Например, что Беатрис станет его супругой. Беатрис. Он женится второй раз...

Он совершенно не собирался этого делать.

«Возможно, Уильяму будет лучше, если у него появится мать».

Пока он на попечении гувернантки. Уильям... Кажется, он самый агрессивный и проблемный ребенок на свете. По ночам мальчику снились кошмары, и он ломал игрушки. Он еще плохо выражал свои мысли, и временами был очень капризным. Бриггсу удалось найти для сына весьма уважаемую гувернантку, и благодаря ей сейчас все стало значительно лучше. Это была суровая женщина с хорошими манерами и многолетним опытом. Она сразу сообщила, что и раньше имела дело с такими детьми, как Уильям, он может вырасти вполне достойным человеком при правильном воспитании. Так что жизнь сына герцога налажена, ему не нужна мать.

Она у него была, но не приняла решение остаться даже ради сына.

У самого Бриггса тоже был отец, который ненавидел своего наследника. Бриггс, по крайней мере, любит своего сына.

«Но чаще он видит не тебя, а гувернантку...»

Но ведь он не испытывает к нему презрение. Это много значит.

– Я сделаю, что смогу, для сохранения вашей репутации, – сказал Бриггс. – И моей собственной, разумеется. Вы не оставили мне выбора, Беатрис.

– Я постараюсь как можно быстрее получить лицензию, – вмешался Кендал.

Бриггс скривился.

– Я могу и сам получить лицензию, Кендал. Или вы забыли, что не выше меня по положению?

Он выдержал взгляд друга. Он, порой, задавался вопросом, не забывает ли Хью, что они уже не школьники и Беатрис больше не будет нуждаться в его руководстве.

– Я не выйду за вас, – громко произнесла Беатрис.

Бриггс повернулся и увидел в ее глазах слезы. Возможно ли, что он неправильно понял ее чувства?

– Вы влюблены в Джеймса? – спросил он.

Она ничего не ответила, хотя заметно погрузнела. Ему стало до боли жаль несчастную.

– Все образуется.

– Тебе надо поспать, – заключил Кендал. – Будем планировать свадьбу на ближайшее время. Необходимо сообщить матери.

Глава 3

Беатрис была в отчаянии. Все складывалось ужасно. Хуже всего то, что она даже не представляла, с кем об этом поговорить. Был ли вообще человек, с которым можно обсуждать такое? Она пришла в себя, заметив, что сидит в утренней столовой, а перед ней тарелка с холодным ростбифом и яйцо. Отворилась дверь, и в комнату вошла мама.

– Беатрис, – ласково произнесла она.

От этого тона захотелось расплакаться. Впрочем, с ней все разговаривали вежливо и мягко. Всегда. Исключением был вчерашний разговор и манеры Хью. Бриггс, впрочем, тоже был весьма суров.

Сердце подпрыгнуло и упало.

Бриггс. Ей предстоит выйти за него. Через три дня. Внезапно ошеломило осознание того, как много ей неизвестно. О нем, о жизни, об отношениях между мужем и женой.

– Ты плачешь? – спросила мама.

Беатрис поднесла пальцы к лицу, и они стали мокрыми. А она и не заметила.

Мама села рядом и накрыла руку Беатрис своей.

– Он сделал тебе больно? Принуждал тебя... к чему-то? Знай, Беатрис, я не стану подталкивать тебя к нежеланному браку. Я знаю, твой брат считает, так будет лучше для тебя, но он...

Беатрис покачала головой.

– Нет, он ничего мне не сделал. – В объятиях Бриггса она испытывала нечто совсем не похожее на отвращение. – Я сама все испортила. Все проблемы из-за меня.

Мама посмотрела на нее пристально:

– Как именно ты это сделала?

И она все рассказала. О своем бунте против Хью.

– Я не могла раньше ничего рассказать, боялась, что меня остановят. Я не такое безвольное существо, каким меня все считают. У меня тоже есть... мечты. Есть цель, благодаря которой я выжила в детстве. Я не раз была на грани смерти, но ведь не умерла. Но если мне суждено жить до конца дней здесь, в Байби-Хаус, тогда я не знаю...

– О, Беатрис. – Мама погладила ее по руке. – Хью не желал тебе ничего плохого. Он беспокоится о тебе.

Мама ее любила, и Беатрис это знала. Как знала и о непростых годах ее брака с отцом. Он даже не пытался скрывать свои измены, а мама молчала, тихо удалялась в свою комнату и успокаивала себя лауданумом.

Однажды Беатрис слышала, как мама сказала приехавшей с визитом подруге, что быть замужем за герцогом не было бы так ужасно, если бы она не желала его и ненавидела одновременно. Беатрис тогда не поняла ее слов. И не понимала до сих пор.

За годы, прошедшие со смерти мужа, мама стала значительно сильнее. И счастливее. Беатрис совсем не желала

огорчать ее своими проблемами.

– Я понимаю, мама. Но это уже за границами простой заботы, я должна была что-то предпринять.

– Что ж, он хорошая для тебя партия. Он герцог, его любят в свете...

– Да.

Беатрис сама не понимала, почему рядом с Бриггсом временами она испытывала странное волнение. Это чувство зарождалось где-то очень глубоко. Но более отчетливо она ощущала все же симпатию.

– Он заслужил лучшую жену, чем я.

Он уже потерял супругу. Она не знала подробностей, как и названия болезни, которая свела ее в могилу, но не хотела заставлять его жениться на той, у кого слабое здоровье. Не хотела обрекать его на несчастливое существование. А с Джеймсом они обо всем договорились. Они понимали друг друга. Бриггс не был и не должен стать частью их плана.

– Он человек чести и не позволит, чтобы все свалилось на тебя одну, дорогая.

– Но так и должно быть! – воскликнула Беатрис и, вспыхнув от гнева, себя опровергла. – Впрочем, нет. Во всем виноват Хью. Именно он поставил меня в такое положение. Он сделал мою жизнь невыносимой. Я... мне... было так жаль себя. Я слишком хорошо отношусь к Бриггсу для того, чтобы... чтобы стать ему обузой.

– Беатрис, послушай, нам надо поговорить. Ведь через три

дня ты выходишь замуж и...

– Да, и что?

– Ты должна знать об обязанностях замужней женщины. Одна из них... быть женой своему мужу.

Беатрис попыталась представить, какие обязанности могут появиться у жены герцога, у которого целая армия слуг. Хотя мама очень многое контролировала в доме.

– Беатрис, я имею в виду другое. Это будет только твоя обязанность...

– Да?

– Я о том, что будет происходить на супружеском ложе. – Лицо матери стало мрачным, взгляд отстраненным. В глазах Беатрис заметила грусть и нежность. Не дожидаясь накала эмоций, мама моргнула и стала прежней. – О том, что происходит между мужем и женой в спальне.

И Джеймс говорил, что их должны застать в спальне.

Она вспомнила о нимфах, а потом подумала о гувернантках. Они все были молоды и хороши собой, общество отца их интересовало больше, чем подопечной.

– Ах да...

– Это не так уж неприятно. Твой будущий муж знает, что делать, тебе лишь надо подчиниться.

– Как в танце?

К счастью, ее учили танцам.

Мама, кажется, испытала облегчение.

– Да, как в танце. Он будет вести, сделает все правильно.

Ты сама сказала, что он хороший человек.

– Что... что делать мне?

Ах, как бы она хотела узнать... хоть что-нибудь. Создавалось впечатление, что перед ней открывается новый огромный мир, а все, что у нее есть, – лишь разрозненные образы и догадки. И желание получить ответы, разумеется.

Что значит – настоящий брак?

Что происходит в спальне?

Почему репутацию женщины так легко разрушить?

Почему в объятиях Бриггса она испытывала странные, незнакомые чувства?

Она была почти уверена, что эти вещи связаны, но не понимала, как. Отказ в объяснениях стал большим разочарованием.

Здесь, в Байби-Хаус она была защищена от всего. Ей никогда не разрешалось ездить в Лондон. Отец умер, когда она была совсем девочкой, а брат так и остался холостяком. Мужчин и женщин, не состоявших в родственных отношениях, она видела только на нескольких балах, на которые была допущена с позволения брата, но происходящее там было больше похоже на... разыгранный на ее глазах спектакль. Тогда она могла получить лишь самое общее впечатление, уловить незначительные намеки.

– Тебе лучше думать о чем-то другом, – прервала ее размышления мама. – О чем-то приятном.

О чем-то другом.

Этим Беатрис и занималась, когда ее заставляли вышивать. Она думала обо всем, что приходило в голову, только не о том, что делала руками, это ей казалось невыносимо скучным.

Слова мамы убедили, что ни в чем подобном она участвовать не желает. Мысли посещали ее и раньше, потому она отдала предпочтение фиктивному браку с Джеймсом.

О, Джеймс.

Необходимо поговорить с Джеймсом. Он, несомненно, уже все знает.

Дверь утренней столовой отворилась, и появился дворецкий.

– Прибыл их светлость герцог Бригамский для встречи с леди Беатрис.

Сердце упало.

– Полагаю, мне лучше остаться в качестве твоей компаньонки. Впрочем, меры уже не актуальны. Что ж, я позволю тебе поговорить с ним.

Беатрис хотела остановить маму, просить остаться. Мысль о разговоре с Бриггсом наедине приводила ее в ужас, что, разумеется, очень глупо, ведь раньше она не испытывала таких эмоций при его появлении. Что-то подсказывало, что сегодня он едва ли принесет ей радости.

Вчера вечером он был в ее комнате, по-видимому, в этом есть нечто предосудительное. Вчера она была расстроена, не могла мыслить здраво.

Бриггс буквально влетел в комнату, и она сразу каким-то образом поняла, что на нем другой фрак, хотя этот тоже был черным. Он был мрачнее тучи. Беатрис затаила дыхание. Кажется, даже перестала дышать.

– Герцог. – Ее мама слегка кивнула.

– Герцогиня. – Он поклонился в ответ.

Потом она вышла, оставив их вдвоем. Беатрис во все глаза смотрела, как плавно закрывается дверь.

– Бриггс...

– Нам надо поговорить. О том положении, в котором мы оказались.

– Да, разумеется, – кивнула Беатрис. – Нам надо все обсудить. Надо...

– Вам не стоит меня бояться. Я понимаю, в каком вы состоянии.

– Состоянии?

– Ваш брат сообщил мне, что вам не стоит иметь детей.

– Я...

– У меня уже есть наследник, поэтому проблемы не возникнут.

Ей внезапно по непонятной причине стало невероятно грустно. Скорее всего, и у них с Джеймсом не было бы детей, ведь их брак предполагал быть заключенным лишь формально. Он называл его ненастоящим. Она не понимала, что имеется в виду, лишь догадывалась, что он говорит о ребенке.

– Вы расстроены.

– Джеймс...

– Да. Хотите сказать, что влюблены в него?

– А если и так?

– Я вам не поверю. Вы слишком легко бросились в мои объятия. И позволили обнять. Кажется, даже не поняли, что я не ваш возлюбленный. – Он впился в нее взглядом. – Вы не могли бы не узнать руки любимого, Беатрис.

Она на мгновение вновь вспомнила, как он прижимал ее к себе. Держал за ягодицы, а по телу разносился пронизывающий насквозь жар.

Опять намеки. Бриггс давал понять, что их брак не будет настоящим. И у него есть наследник. Выходит, для нее он ничем не отличается от Джеймса. И все же внутри появилось слабое предчувствие, что это не так.

– Джеймс – мой друг, – решила на признание Беатрис. – Перспектива стать моим мужем его устраивала, ему это было удобно.

– Брак заключается ради выгоды. Если ее нет, он не может быть удобным.

– Некоторые люди женятся по любви, – заметила Беатрис.

Хотя лично она не знала ни одной такой пары. Она не сомневалась в чувствах Элеоноры к Хью, но эти чувства не были взаимны. И брат и ее подруга никогда не поженятся.

– Такое случается, но крайне редко, Беатрис. И такие союзы быстро распадаются.

Она задумалась, имел ли он в виду себя и свою жену. Их

брак был недолгим, она ведь умерла. Беатрис не была знакома с этой женщиной и не встречалась с Бригтсом во время его короткого брака.

И никогда не видела его сына. Желудок скрутило узлом. Его сын.

Она станет ему матерью?

Ах, как все быстро изменилось. Совсем недавно ей казалось, что выйти за Бригтса – все равно, что за Джеймса. Он предлагал ей уехать за границу, и она согласилась, ведь всегда мечтала увидеть Италию и Париж. И непременно пожить в Лондоне. Ей хотелось всего, чего она никогда не делала. Она жила в изоляции от мира, все время проводила в одиночестве, потому точно знала, что в будущем посетит все возможные светские мероприятия. Они вместе будут наслаждаться жизнью. Ей всегда было приятно общество Джеймса. Впрочем, Бригтс тоже нравился. Но иначе. С ним все по-другому. Она чувствовала, но не могла подобрать слова.

– Ваш брат хочет, чтобы мы венчались здесь. В церкви поместья.

Она кивнула:

– Да. Я... не возражаю.

Она даже не задумывалась о том, где пройдет церемония. Даже когда строила планы с Джеймсом. Ни один из подобных аспектов ее не волновал. Впрочем, она думала о последствиях, о том, к чему все это может привести, воображение даже рисовало картины. Внутри крепла уверенность, что она

готова противостоять гневу Хью, а это уже очень много. К сожалению, большинство не менее важных вещей так и остались ею не замеченными.

Беатрис изо всех сил впилась ногтями в ладонь, закусила щеку изнутри – делала все, чтобы вызвать боль, помогающую успокоиться.

В какой-то момент она обнаружила, что стоит, высоко вскинув голову и глядя прямо в глаза Бриггса, в его бездонные голубые глаза... Он определенно был спокоен, отчего буря в ее душе стала медленно утихать.

– Вам не стоит меня бояться и ожидать чего-то плохого.

– Я знаю.

Сердце замерло в груди. Казалось, все вокруг тоже замерло. А потом Бриггс моргнул, и мир вновь пришел в движение.

– Вы, похоже, чем-то напуганы.

– Вовсе нет.

Она лгала, и понимала это.

Взгляд его стал ледяным, укоряющим. Совсем незнакомым. Раньше она всегда видела Бриггса в хорошем расположении духа. Впрочем, у нее не было шанса увидеть его иным, в сложных ситуациях. Но можно предположить, что он часто бывал таким, как сейчас. Но ведь что-то притягивало к нему людей, в обществе все от него без ума.

Вероятно, причина в том, что он выглядел человеком, способным справиться со всем на свете. В нем чувствовалась

сила, он носил ее, как люди одежду.

– Вы лукавите. – Его голос вывел Беатрис из задумчивости.

Неужели он способен читать мысли?

– Простите. – Она потупила взгляд. – У меня не было намерения вас обманывать.

Беатрис посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц и заметила, как что-то незнакомое мелькнуло в его глазах. От этого внизу живота возникло томительное напряжение.

– Вы должны сказать мне правду, Беатрис. Это важно.

– Хорошо, я обещаю. Да, мне страшно от того, что я не знаю... – Она замолчала, не в состоянии подобрать слова. – Я ничего не знаю о том, что меня ждет.

– Вам не нужно ни о чем тревожиться. – Бриггс усмехнулся.

– Почему вы не злитесь на меня?

Из всего, что она могла сказать, эта фраза была самой неподходящей. Но почему ж он не зол на нее из-за того, что она заставляет его делать нежелаемое?

– Потому что меня это не злит, Беатрис. Мне все равно, я ничего не испытываю к вам.

– Но ведь вы хотите жениться...

– Вовсе нет. – Он резко остановил ее. – Как я сказал, наследник у меня уже есть, поэтому жениться повторно нет необходимости. И желания у меня нет. Вы для меня будете как...

подопечная.

– Подопечная?

– Именно. Я ведь сказал, ваш брат все мне объяснил.

– И я не получу свободу.

Во второй раз всего за несколько часов он смотрел на нее так, будто испытывал жалость.

– Милая моя девочка, вам никогда не получить свободу, это невозможно. Вы будете зависеть либо от брата, либо от супруга. Так устроен мир.

Он развернулся и вышел, оставив Беатрис в таком состоянии, будто вылил на нее таз ледяной воды.

Он прав, она желала только свободы... Но получить ее не сможет никогда. Никогда не сможет жить так, как пожелает. Ее план лишь помог избавиться от одной зависимости и найти другую. А свободной она не станет никогда...

Продолжая размышлять, Беатрис вышла в парк и побрела к дому Джеймса.

* * *

К крыльцу она подходила с перепачканными грязью руками и в отвратительном настроении, но ее не заботило ни первое, ни второе. Экономка быстро впустила ее и проводила в гостиную, где оставила дожидаться Джеймса. Она с самого начала была их сообщницей, помогала, поощряла дружбу, хотя Беатрис не вполне понимала причину.

Джеймс появился всего через несколько мгновений.

– Что случилось? Вам больно? – спросил он, оглядывая ее.

– Ничего не случилось, кроме того, что я помолвлена. И это нельзя назвать приятным.

– Черт возьми, Беатрис...

– Простите. Я столько всего натворила.

– Не говорите ерунду. Я ведь не о себе тревожусь, а о вас. Ведь не меня заставляют идти под венец. И не заставляли никогда. Я хотел помочь вам и заодно навсегда закрыть вопрос с отцом, хотя в этом не было острой необходимости. В моем случае все не так плохо.

– Я чувствую себя ужасно...

– Беатрис, сядьте, прошу вас.

– Да, да. – Она кивнула и опустилась на диван, но сразу вскочила. – Я не могу. Не могу успокоиться.

– Ладно, тогда будем оба стоять. Беатрис, скажите, я могу полностью вам доверять, верно?

– Разумеется. Я ведь собиралась выйти за вас замуж.

– Да, и мне следовало признаться до того, как вы приняли решение. Но я не хотел, чтобы вы передумали, боялся потерять вашу дружбу.

– Вы никогда не потеряете мою дружбу.

– И все же это возможно. Я признаюсь вам, Беатрис. Я не хочу настоящего брака, потому что не способен любить.

– Почему вы так думаете?

– Потому что меня совершенно не привлекают семейные

отношения и связанные с ними заботы.

Она даже не поняла, что чувствует. Не знала, как относиться к сказанному. Не представляла, как поступить.

— Ах, вот как... — произнесла наконец она.

— Почему это должно иметь значение? Разве каждый человек не имеет права жить так, как хочет? Бриггс сегодня сказал мне, что я никогда не обрету свободу. И он не хотел быть жестоким. Он прав. Я никогда не стану свободной, потому что женщина не имеет права ничем владеть. Деньги, которые у меня есть, я получаю от мужчины, он же владеет домами, в которых я живу. А после свадьбы с Бриггсом... Он сказал, я стану для него подопечной, а не женой. И опять же, решение принимает он, потому что... он мужчина. Ты тоже мужчина.

— Беатрис...

— Почему только некоторым позволено стать счастливыми?

— Беатрис, и мне непонятно, почему мир так устроен. Но я точно знаю, что, пока есть такие люди, как мы с вами, полные решимости обрести счастье, мы найдем способы. Нам не нужно понимание и одобрение толпы. Я благодарен, что вы остались моим другом. Что смотрите на меня без осуждения. И вы были готовы стать моей женой.

— Хотела бы я по-прежнему иметь такую возможность. — Беатрис вздохнула.

— Бриггс вам не безразличен. Больше, чем думаете.

– Что вы имеете в виду?

– Всегда, в любом месте, где он рядом, вы не спускаете с него глаз, возможно, против воли, ведь он чертовски красив. – Джеймс улыбнулся и залился легким румянцем. – Но дело не только в этом. Полагаю, он вам нравится.

– Разумеется, он мне нравится. Он всегда был добр ко мне.

– Полагаю, что вас влечет к нему.

– Я не понимаю.

Он ухмыльнулся, что крайне возмутило Беатрис. За последнее время она очень устала от этих взглядов мужчин, знающих о ее будущем больше, чем она сама.

– Поймете, когда станете жить с ним. Бриггс сможет дать вам больше, чем я.

– Не думаю. Он настроен лишь успокоить моего брата.

– Но это может стать трудновыполнимым для него.

– Ах, как я устала от этих загадок, которыми говорят люди. Они постоянно чего-то недоговаривают. Или говорят намеками.

– Простите, – произнес Джеймс. – Прошу вас, оставайтесь моим другом. Думаю, я уеду в Лондон. Без вас здесь оставаться не имеет смысла.

– Джеймс...

– Я очень вас люблю, Беатрис. – Он широко ей улыбнулся. – Но не так, как любит супруг.

– И я очень вас люблю. – Она улыбнулась в ответ и едва не

сказала, что любит не так, как супруга, но сдержалась, потому что совсем не понимала, что это значит.

– Я навсегда останусь вашим другом.

– Спасибо.

Теперь она была уверена: что бы ни случилось, он будет с ней. Это очень важно. Оставалось лишь понять, что он имел в виду, говоря о Бригтсе. О ее чувствах к нему. Ни одна мысль в голове, ни внутренний голос не подсказали ей, что же это значит.

Глава 4

Вечером накануне венчания Бриггс с удивлением обнаружил, что не может заснуть. Но ведь завтрашнее событие не настолько важно для него. Особенно учитывая, что супругой станет Беатрис.

Беатрис...

Милая, добрая девочка. Какие пресные слова. Их совсем не достаточно для ее характеристики. Перед глазами возникло лицо с горящими глазами. В глубине души Бриггс понимал, что это нечто большее, чем просто воспоминание. Оно будило чувство в глубине сердца.

Она бросилась в его объятия, как женщина бросается с обрыва – легкомысленно, решительно. Бесстрашно.

Ощущать ее тело рядом было приятно. Формы ее были прекрасны, довольно выразительны в тех местах, в каких это наиболее предпочтительно.

Он сжал челюсти, пальцы сложились в кулаки.

«Она вовсе не милая, не покорная, только посмотри, на что она пошла ради получения свободы. Бедная девочка».

Теперь жизни их связаны, хотя он не видел смысла ничего менять в своей. Все станет другим. Может, и нет? Возможно, он будет жить, как прежде, вот только Беатрис окажется обманутой в своих ожиданиях. С ним ее будущее не станет таким, о каком она мечтала.

Бриггс поднялся с кресла и прошел к окну, из которого открывался вид на территорию поместья.

В сгущающейся темноте можно было разглядеть, лишь как покачиваются верхушки деревьев. Внезапно в темном углу глаз его уловил быстрое движение.

Он вышел из спальни и спустился вниз по лестнице. Стараюсь ступать бесшумно, прошел по холлу к парадному входу, оттуда на улицу и направо, чтобы обогнуть здание и найти место, которое видел недавно из окна. Ночь обещала быть ясной, прохлада в воздухе весьма ощутима, и он не понимал, почему вдруг решил гоняться за призраками в парке. Возможно, их общество устраивало сейчас больше, чем пребывание наедине с собой.

Бриггс встал там, где начиналась рощица, и смотрел на мелькание чего-то белого в воздухе. Это нечто то приближалось, то удалялось. Он сделал шаг вперед, помедлив, еще один. И внезапно все понял.

– Вы могли встретить здесь свою смерть, – произнес он.

– Бриггс?

Да, это была Беатрис. Ее чистый, звенящий голос ни с чем не спутать. Похоже на перезвон серебряных колокольчиков.

Подойдя ближе, он понял, что видел из окна. Беатрис раскачивалась на качелях, висевших на толстой ветке дерева.

– К счастью для вас, я не разбойник или кто-то другой, имевший в мыслях украсть все ценное, что у вас есть, включая ваше женское достоинство.

Достоинство. Он не должен думать о ней в таком смысле, и все же надо признать: это непросто. Брат ее четко дал понять, что рождение ребенка нежелательно, но ведь есть способы получить удовольствие и без последствий...

Ему не составило труда представить, как она в белом одеянии лежит на его ложе, готовая подарить ему свою девственность. Как легко вообразить, как она встает на колени перед ним...

Тебе не доведется учить ее тому, как доставить тебе удовольствие.

Она найдет это отвратительным. Скорее всего, нажалуется брату, который вполне может сделать так, что Бриггс станет евнухом.

– Что здесь делаете вы?

– Я смотрел в окно и увидел шевеление. Решил, что это призраки.

– Это не призрак, а всего лишь Беатрис.

– Какое облегчение.

Волосы ее были распущены, такой он видел ее впервые. Тяжелые, густые локоны лежали на плечах, в лунном свете лицо казалось бледным. Юная дева, чье целомудрие должны принять, как жертву, боги. Они, а не он.

– Я... размышляла, какая жизнь ждет меня в рабстве у вас, милорд.

– Рабстве?

– Я ведь никогда не стану свободной. Разве не это вы ска-

зали совсем недавно?

— Уверяю вас, рядом со мной вы обретете больше свободы, чем когда-то имели, — произнес он и сразу задался вопросом, так ли это будет. — Вы получите статус замужней дамы, он станет для вас защитой. Скандал потухнет, не распалившись.

Впрочем, ее слабое здоровье... не позволит ей вкусить все положительные стороны замужества. Не стоит говорить с ней об этом, не сейчас, когда ей необходимо утешение. Впрочем, едва ли у него получится, он не тот человек, что умеет дарить покой.

— А какие у меня появятся свободы?

— А какие бы вы желали, Беатрис?

Она на мгновение закрыла глаза.

— Я бы желала увидеть разные новые места. Что-то большее, чем окрестности, все самое интересное. Я не желала быть такой, какой стала, не хотела болезней, слабого здоровья. Мне тяжело осознавать, что тело мое не подходит душе. Я всегда знала, что...

Беатрис опять закрыла глаза и запрокинула голову, подставляя лицо лунному свету. Бриггс не мог не заметить, что ночная сорочка, которая была на ней, сшита из полупрозрачной ткани.

Даже в полумраке он видел очертания ее груди, темного треугольника внизу живота. Она походила на богиню. Прекрасную и неприкасаемую. И это очень верно, ведь ему не суждено обладать ею, несмотря на скорый статус супруга.

Он женится на девушке мало отличимой от Серены. Она тоже была хрупкой, изящной и невинной. И совершенно не готовой к совместной жизни с ним. Они не были счастливы. Он всегда чувствовал, что был невольно повинен в ее нежелании жить. Хотя ей предстояло стать для него человеком, связь с которым должна быть нерушимой и прочной. И с ней единственной он пытался установить эту связь. Он не любил ее, но надеялся, что однажды полюбит. Он готов был стремиться к этому, сделал своей целью.

В результате она возненавидела его. Но Бриггс убеждал, говорил, что готов измениться, сдерживать свои порывы. Тогда она ответила, что всегда знала, какой будет ее жизнь, ей не суждено увидеть его другим. Близость с ним она терпела с трудом.

– Когда я читаю книги, представляю себя главным героем, который побеждает драконов и громит армии, мчится во весь опор по полю и... непременно влюбляется. Потом мне сказали, что мое тело для такого не приспособлено. Это очень обидно. Почему мне не достался мягкий, покладистый характер? Ведь многие женщины счастливы, проводя жизнь в четырех стенах. Счастливы, что... – Она потрянула головой. – Думаю, ни одной женщине не понравится, когда ей скажут, что она не может иметь детей.

– Поверьте, некоторые могут разглядеть в этом большую свободу во многих смыслах, – сказал Бриггс.

– Что это значит?

Он не мог смолчать. Его заставляло говорить множество вновь открывшихся обстоятельств. Вскоре он станет хозяином ее жизни, необходимо подготовить ее, даже если слова ранят и причинят боль.

— Когда у женщины появляется ребенок, она целиком сосредоточивается на нем. Таким образом, и вы не смогли бы принадлежать полностью себе. С появлением ответственности за другое живое существо все в мире женщины меняется, ее сердце не бьется больше только ради нее самой. — Он сглотнул ком. — По крайней мере, это то, что я уяснил, исходя из своего опыта.

Он крайне редко говорил о своем отцовстве, это было... слишком болезненно. Становилось напоминанием о детстве, когда Бриггс ощущал себя недостаточно хорошим, ущербным, чувство это осталось с ним до настоящих дней. Он не знал, не мог понять, как установить отношения с сыном.

— Должно быть, прекрасно любить так сильно.

— Не уверен, что я назвал бы это словом «прекрасно».

— Но ведь у меня никогда не будет шанса проверить, верно? Впрочем, я могу заботиться о вашем сыне, Бриггс. Я так и сделаю. Обещаю. Я стану ему матерью. О, простите, я не хотела будить воспоминания о вашей покойной супруге, не хотела причинить вам боль. Но...

— Я не скорблю по Серене, не беспокойтесь о моих чувствах.

— Я обещаю, что не буду пытаться заставить забыть о

ней...

– Если Уильям не будет ее помнить, то лишь по собственной воле.

Он видел, как Беатрис смутилась, но вопросов не задала, давая ему возможность не давать объяснения. В свете ходили слухи о том, что покойная герцогиня свела счеты с жизнью, удивительно, что они не дошли до Беатрис.

Горничная нашла ее в ванне с перерезанным запястьем и закричала так, что переполошила весь дом. Бриггс никогда не забудет, как доставал жену всю мокрую и в крови. В душе росла печаль, сочувствие к Серене, но больше всего к маленькому Уильяму.

Семья Серены сотворила невозможное, добившись ее захоронения на церковном кладбище. Он не стал бы предпринимать для этого усилий. Горе его было не меньше разрывавшего изнутри гнева. Больше всего его беспокоило не то, где будет погребено ее тело, а объяснение с сыном. Ее же семья стремилась только избежать позора. Они щедро заплатили за то, чтобы причиной смерти признали несчастный случай – утопление в ванне.

В свете мгновенно поползли слухи о произошедшем на самом деле. Прикрываясь ладонями и веерами, аристократы шептались о герцогине, которой предстояло гореть в аду. Говорить открыто никто не решался.

Бриггса больше всего возмущала трусость, не позволявшая людям честно высказывать свое мнение. Бриггс считал

это величайшей трагедией общества – стремление кое-что утаить, скрыть, спрятать. И то, как это выполнялось. Таким образом не исполнить желание предстать меньшими грешниками. Все виды порока существовали и процветали. Но ведь существовали и те, кто не был им подвержен, и даже остался неосведомленным об их существовании.

– Я сделаю для него все, что в моих силах, – выпалила Беатрис.

– Он... Он весьма... своеобразный мальчик. Совсем не ласковый. Вам он может показаться трудным ребенком.

Бригтсу было непросто это говорить, он считал, что нарушает преданность сыну, но все сказанное было правдой. Беатрис должна знать, что в его доме не найдет легкую возможность заполнить пустоту, как она надеялась.

– Я не могу сказать определенно, что для меня значит иметь ребенка, – произнесла она. – Меня предостерегали от таких размышлений, поэтому их не было и нет. Я с легкостью приму его таким, какой он есть. Положение не будет осложняться представлением о том, каким он должен быть.

Беатрис была предельно откровенна. Разве не главный враг счастья – неоправдавшиеся ожидания? Это ему хорошо известно. К сожалению, слишком хорошо.

Бригтс подошел ближе и потянул за веревку качели. По пальцам скользнула прядь волос Беатрис, теперь он ощущал аромат ее кожи – розовая вода и что-то очень нежное, женское, чему он не смог найти определения. Возможно, это был

запах Беатрис. Он отпустил веревку, и качели отклонились, унося ее назад, дальше от него. Волосы развевались. Когда она вновь оказалась рядом с ним, он протянул руку, чтобы удержать ее, склонился к самому уху и прошептал:

– Я думаю, мы найдем способ все уладить, верно?

И он снова отпустил ее, невольно задавшись вопросом, позволил бы когда-нибудь вести себя так с сестрой друга, не будь того... давления, которое сейчас испытывал.

Раньше отношения их с Беатрис были несколько формальными, здесь же, в этом доме необходимости в соблюдении столь строгих правил не было. Кендал доверял ему, и он не давал ему повода думать иначе. И никогда не даст. Вскоре он женится на ней. Разумеется, если бы браку предстояло стать настоящим, он поступил бы иначе. Позволил бы себе посмотреть на нее другими глазами.

Качели начали обратный ход, и вскоре Беатрис опять оказалась рядом.

– Вы уверены, что найдем?

Она повернулась к нему, и губы оказались опасно близко. Нежные и пухлые, вблизи они были еще более выразительными. Внезапно сердце сжалось от гнетущего ощущения жизненной трагедии. Вполне возможно, желая защитить ее, ни один мужчина никогда не припадет к этим губам. Никто не сможет ощутить всю страстность ее натуры, а она такой и была, он всегда это знал. Возможно, потому и относился с симпатией, потому и привозил сладости из Лондона.

Хорошее к ней отношение подтолкнуло его к разговору. Он понимал, что в этом доме Беатрис ощущала себя словно в западне, но из-за страха непонимания не могла открыто выразить эмоции. Да и никогда не позволила бы себе. Во взгляде ее было немало вопросов, на которые он не мог ответить. И чувствовал, как из-за этого в ней закипает гнев. Ах, как жаль малышку Беатрис.

– У меня нет намерения сделать вас несчастной, – произнес он.

– Но и на борьбу с врагом вы меня тоже не возьмете, верно?

– Главная проблема в том, – вздохнул Бриггс, – что в данный момент я сам не знаю, где эти самые враги в моей жизни.

– Несколько найдется, я уверена. В ваших способностях я не сомневаюсь.

– В моей способности начать войну?

– Да.

– Хотите стать моей Еленой Троянской, Беатрис? – прошептал он ей на ухо и крепче прижал спиной к груди. Ароматы ее тела дразнили обоняние. – Ради вас я готов спустить на воду тысячу кораблей.

И он вновь толкнул качели.

– Но я не хочу сидеть дома, – сказала она, оглядываясь. – Я хочу сражаться.

– Вы опять о том же. Разве это женское дело?

– Но ведь я разожгла войну между вами и братом.

Бриггс раскачивал ее на качелях, то приближая, то отдаляя. Изредка позволяя взлететь довольно высоко, и она парила в воздухе, волосы при этом красиво развевались.

– Он довольно легко поверил моим доводам.

– Потому что не ожидал, что я способна на что-то значительное, – парировала Беатрис.

– Скорее потому, что он привык мне доверять, – ответил он ей в тон, задумавшись на мгновение, достоин ли доверия друга.

Она в очередной раз оказалась рядом, и он поспешил крепко прижать ее к себе. Теперь он ощущал прикосновение пряди мягких волос к подбородку. Пожалуй, по возвращении в Лондон он сразу отправится в бордель. Бриггс усмехнулся тому, что молодому мужу странно там появляться. И едва не скривился от отвращения к себе.

Что ж, таков он есть. Не всегда может собой гордиться, но бороться с желаниями тоже не станет. В данном случае свой поступок он расценивал как милостивое отношение к молодой жене.

По многим причинам.

– Простите, – произнесла Беатрис. – Разумеется, это так. Я просто не рассматривала ситуацию с этой стороны. – Она медленно выдохнула, он ощущал малейшие движения ее тела. Затем запрокинула голову ему, коснувшись его груди. Он не отпускал ее, руки сжимали веревки так крепко, что, казалось, лопнет кожа на ладонях. – Я ужасная эгоистка?

Грудь его сжала невидимая сила. Напряжены были... все члены тела.

– Да, возможно, вы поступили эгоистично, – хрипло произнес он. – Но этим грешим мы все. Мир поощряет человеческий эгоизм. Вы поступили так, как считали нужным.

– Мне стало бы легче, если бы вы сердились на меня.

Бриггс рассмеялся.

– Прошу простить, что не смог соответствовать.

Он резко отпустил качели, и она, тихо вскрикнув от неожиданности, полетела вперед. Его сердце билось часто, подтверждая, что не стоило прижимать ее к себе.

– Почему вы не можете рассердиться на меня?

– Потому что стремление к свободе не должно осуждаться. Лично я продолжу делать то, что мне нравится. Я всегда так поступал.

Беатрис приглушенно рассмеялась.

– Только что вы сказали, что это неправильно. У вас есть ребенок. Вы принадлежите не только себе одному.

А на это ему нечего было ответить, потому он молча продолжил раскачивать ее на качелях.

Дыхание то и дело перехватывало, и Беатрис сама не понимала почему. Это было совсем не так, как случалось раньше, в детстве. Тогда она дрожала от страха, взлетая ввысь, но сейчас не могла сказать, что ощущения неприятные. Находиться так близко к Бриггсу было неожиданно, от этого

становилось... легко и спокойно. Она и раньше любила их встречи, но тогда все было иначе. Положить голову ему на грудь сейчас казалось совершенно естественным, хотя она знала, что такие вольности недопустимы для леди. В прошлом она всегда поступала правильно, лишь раз решила последовать за желанием и все испортила, погубила себя.

Бриггс вновь потянул на себя качели, и ее охватил жар, исходивший от его тела. Почти такой же она ощущала и внутри себя. Сердце билось так сильно, что вызывало боль в груди. Осторожно, одними кончиками пальцев он коснулся ее плеч, и она вздрогнула. Даже это едва ощутимое прикосновение позволило понять его силу, она побуждала подойти ближе, проверить, не показалось ли. Ведь свою собственную ей не удалось измерить. Глаза защипало от слез. Беатрис осознала, что находится в шаге от того, что никогда не сможет познать полностью. Погрузиться в это загадочное нечто. Она обернулась, чтобы увидеть лицо Бриггса, но в большей степени из желания понять, что стало причиной странного давления, которое она испытывала и раньше. Лица их оказались совсем рядом, она никогда в жизни не находилась так близко к Бриггсу. За исключением, конечно, того момента в библиотеке, когда он положил руку ей на ягодицы.

– Я бы все отдала, чтобы обладать такой свободой, – прошептала она. – Чтобы ощутить, каково это.

– Люди для этого решаются на самые разные... поступки, – произнес он очень тихо.

Почувствовав его дыхание, Беатрис задрожала и сама не сразу поняла, что происходит.

– Ими руководит желание увидеть, что там, за гранью. Они порой действуют необдуманно, это не всегда целесообразно.

– А кто это будет решать?

– Тот, кто заботится о вас.

– Мне любопытно, в какой момент стоит забыть о благоумии и просто жить. Похоже, мужчины редко просят сделать этот выбор. А если такое происходит, им приходится нести ответственность за свои решения.

– Иногда надо довериться близкому человеку, поверить, что он способен понять лучше, что пойдет вам на пользу.

Он говорил о себе. И о своем праве принимать за нее решения.

– Почему я должна вам верить?

– Я не знаю, что ответить, Беатрис.

– Очень жаль. У вас нет для меня ничего, ни ответов, ни гнева.

– Нет. Ничего подобного.

– Завтра наша свадьба.

– Да.

– Я не представляю, что значит быть женой.

– Вам совсем не нужно это знать. Вы станете мне супругой, но путь ваш будет особенным, не похожим на обычный. Поверьте, я позабочусь о том, чтобы вы были в курсе всего

вам необходимого.

В состоянии полной растерянности даже эти слова стали утешением. На большее не стоило и надеяться. И она будет беречь то, что имеет.

Глава 5

Бриггс легко получил лицензию на брак. Он уже собирался отбыть в Байби-Хаус, когда экономка спросила, желает ли он видеть на церемонии Уильяма.

– Я не хочу, чтобы его режим нарушался.

– Полагаете, милорда расстроит ваше желание жениться?

Единственная причина, по которой миссис Браун могла говорить с ним подобным образом, была в том, что она жила в доме едва ли не с его рождения и, разумеется, проводила с ним больше времени, чем родители.

– Я так не думаю, – ответил он. – Ему будет скучно, а поездка утомит.

И вот он стоит в церкви, готовый сделать то, что должен. Гостей будет совсем немного, как он полагал, среди них непременно мать Беатрис и подопечная Кендала, ставшая лучшей подругой Беатрис. Сам Кендал, разумеется. Священник. Больше он не ожидал никого увидеть.

Пока церковь была пуста. Бриггс вышел на улицу, свернул за угол и прошел к небольшому садику с каменной скамьей. На ней сидела его невеста.

Последний раз он видел ее на качелях, под защитным покровом ночи. Сейчас же было светло и солнечно, что позволяло хорошо ее разглядеть. Образ из прошлой ночи вызывал, как и прежде, мысли об интимном. Он даже ощущал

аромат и тепло прижимающегося тела.

На ней было бледно-розовое платье с низким вырезом по моде. Он никогда не видел Беатрис такой. Она была... Она была невероятно хороша. Взгляд скользнул по линии длинной шеи, прядям волос, обрамляющих лицо с безупречно белой кожей. Грудь ее...

– Бриггс? – Она подняла на него глаза. – Что вы здесь делаете?

– Решил пройтись. Я пришел раньше, и вот...

– Спасибо, что сказали правду.

Невероятно. Она так же смотрела на него в библиотеке. Ей нравилось доставлять ему удовольствие, нравилось, когда ей открыто говорили, чего от нее ожидают.

Нет, это не должно так увлекать. Он знал, чем заканчивается стремление открыть леди свои наклонности. Он опрометчиво поступил так в первом браке и хорошо усвоил, что брачное ложе – не место для подобных занятий. Существуют бордели, где мужчины могут найти женщин по своему вкусу, там и мужчины, и женщины знали, чего ожидать. Как доставить и получить удовольствие. Знали, что нужно именно ему. Он мог быть жестким и бескомпромиссным. Ему нравился доминировать, наказывать. Но подчинение женщины доставляло удовольствие, если она шла на это охотно, если сама получала удовольствие от игры.

Беатрис никогда его не поймет. Он очень удивится, если заметит в ней стремление разобраться в отношениях мужчи-

ны и женщины. Леди этого сторонятся. У него уже есть опыт благодаря первой жене. Беатрис, по его мнению, еще более непримирима в этом смысле. Она жила обособленно, отгороженная от всего, в семье, не желавшей ее замужества.

– Вы предпочитаете правду, я готов.

– Это хорошо, – произнесла она, краснея.

Он бы покривил душой, не признав, что лицо ее при этом приобрело удивительное очарование.

– Куда мы переедем?

– В Мейнард-парк, в мое родовое поместье.

– Ах вот как.

– Но сезон проведем в Лондоне. Мне надо выполнять свои обязанности в палате лордов.

Для него светский сезон означал много работы и излишеств. Поскольку выбор невесты не был ему интересен, Бриггс посещал балы лишь с целью участия в политической жизни – он всегда серьезно относился к своим обязанностям. В конце концов, у каждого человека должны быть в жизни цели и некий смысл. Мужчина с положением не должен вести праздный образ жизни, ничем не заниматься. Просто существовать, пользуясь полученным по праву рождения богатством и властью.

У Бриггса было иное мнение. Он не мог назвать себя очень правильным и хорошим, но видел смысл существования в стремлении сделать жизнь людей лучше.

– Ах, я всегда мечтала провести сезон в Лондоне. – Беат-

рис выглядела чрезвычайно довольной. — Я не была там... ни разу, ни дня, не говоря уже о целом сезоне.

— У меня дом в городе, надеюсь, вы сочтете его удобным.

— Замечательно. — Беатрис позволила себе улыбнуться. — Это... плохо, что я так радуюсь?

— Это нормальная реакция, Беатрис. Впрочем, для кого-то это путь на каторгу или виселицу.

Пожалуй, ему не стоило этого говорить.

— Я сделаю все возможное, чтобы получить удовольствие.

Впрочем, она произнесла слова не очень уверенно и немного поблелела.

Приближение друга он почувствовал раньше, чем увидел его самого.

— Начнем церемонию? — спросил Хью, окинув обоих неодобрительным взглядом.

— Вы готовы? — с усмешкой спросил Бриггс, давая понять, что венчание больше в его интересах.

Затем он повернулся и посмотрел на девушку, которой предстоит вскоре стать его супругой. Впрочем, лишь формально. А потом вновь перевел взгляд на Кендала.

— Да. Заключим же невольничий договор поскорее.

Беатрис обидели эти слова, но Бриггс не считал нужным ее успокаивать. Он не намерен быть с ней суровым. Она не заслуживала подобного. Но и пытаться сделать ее жизнь легче, чем должна быть, тоже не собирался.

Ведь Беатрис причина происходящих событий.

Для тебя это не имеет большого значения.

Не имеет и не будет иметь.

В борделе его примут вне зависимости от того, женат он или холост.

Бриггс вошел в церковь с задержавшимися в голове мыслями о плотских удовольствиях.

Стоящий у алтаря священник посмотрел укоризненно, что неожиданно вызвало чувство вины, испытываемое им, надо признать, нечасто.

Бриггс встал на свое место, буквально ощущая, как адские языки пламени обжигают пятки. Жаль, что он всегда любил близость опасного пламени. И не был стыдливым человеком – в некоторых аспектах жизни.

Он оказался прав, на венчании присутствовали лишь мать Беатрис и Элеонора, подопечная Кендала. Девушка выглядела расстроенной и во все глаза смотрела на происходящее. Несомненно, она выражала эмоции самой невесты, которой предстояло выйти за мужчину уже взрослого и не с лучшей репутацией.

Священник читал молитвы, а Бриггс думал о том, как странно находиться здесь в роли жениха. Рядом с ним опять юная леди, хотя он уже совсем не похож на себя прежнего. Ожидания его от брака значительно отличались от того, что было в первый раз. Он почти уверен, что сможет наладить хорошие отношения с супругой. Надеялся, что они не будут похожи на те натянутые и холодные, что были у его родите-

лей. В детстве ему было очень тяжело, он так и не смог привыкнуть. Не смог наладить отношения с самыми важными людьми в жизни, как, впрочем, и со всеми его окружавшими. Исключением стал Кендал. Хотя и этот факт сейчас под сомнением.

Церемония была короткой. Все традиционно и быстро. Отношения узаконены. И это единственное, что было для всех главным. В глазах церкви они стали мужем и женой. Общество успокоится, удовлетворенное союзом, пусть и созданным поспешно.

Невероятно, какое большое значение имеют формальности. Достаточно всего нескольких фраз, сказанных друг другу, и два человека связаны до конца жизни, хотя до этого были едва знакомы.

Затем они погрузились в карету и отправились в Мейнард-парк. В пути они были уже три часа и за все это время не обмолвились ни словом.

– Сообщите мне, если вам что-то понадобится, – наконец произнес Бриггс.

– Что это может быть?

– Одежда. Вам ведь надо готовиться к сезону. Мы будем посещать... балы.

Беатрис моргнула.

– Я не думала, что вы тоже хотите там появляться.

– Не хочу, но обязан. Я несу за вас ответственность. Не

будем считать вас пленницей в моем доме, скорее, вы моя подопечная.

– Я не подопечная, – с мягким укором произнесла она.

– Лучше считать именно так.

И не вспоминать прошлую ночь, как и терзавшее его искушение.

– Понимаю. – Беатрис отвела взгляд. – Что ж, да, мне понадобится несколько платьев. Не хочу упрекнуть брата в скаредности, но это платье я взяла у Элеоноры. Она заказала несколько новых к открытию сезона. А я нет.

– Это мы исправим.

– Благодарю вас.

– Пустяки.

– Не знаю, вызовет ли это ваше недовольство, но я намерена быть честной во всем. Можете ли вы сказать то же?

– Боюсь, что нет, – весело ответил Бриггс. – И это ради вашего же блага. – Она определенно не поняла смысл его шутки. – Я должен знать все ваши потребности и желания, чтобы наилучшим образом заботиться и обеспечить всем необходимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.